

Петр ШОРНИКОВ

Русские люди Молдавского княжества

Введение в тему

История восточнославянского населения Молдавского княжества, просуществовавшего 500 лет (1359-1859), загадочная сама по себе, вдвойне таинственна потому, что она специально никогда не изучалась. К ней не обращались историки, не искали вдохновения в ее перипетиях писатели. Правда, во второй половине XIX и в начале XX в. этнографы описывали культуру потомков этого населения, но в 20-е гг. в силу политических причин прекратилась и эта работа. Научная добросовестность побуждала исследователей в той или иной форме разрабатывать славянские сюжеты в контексте истории Молдавии, но специальное изучение этой темы до начала третьего тысячелетия оставалось табуированным.

Прекращение изучения истории русинов Молдавии отчасти можно объяснить этнополитическими интересами республиканской бюрократии и конформизмом союзного Центра, вынужденного сделать выбор между официально декларируемой приверженностью принципам интернационализма и политикой консолидации украинской социалистической нации. Замалчивание истории этноса, полагает почетный академик Академии наук Молдовы этнолог М.Н. Губогло, представляет собой весьма изобретательную, изощренную и, к сожалению, эффективную форму нарушения «равенства возможностей»¹. В гораздо большей степени, чем в случаях с гагаузами и болгарам Молдавии, лишение русинов исторической памяти и права на собственную историю способствовало размыванию их этнического сознания.

На рубеже 90-х гг. XX в. падение некоторых идеологических табу, а также замена в программах учебных заведений республики истории Молдавии антинаучным курсом «история румын»² вновь поставили вперед исторической наукой

республики задачу создания более полной и достоверной версии национальной истории, научной картины молдавского этногенеза. Решение этой задачи требует исследования истории славянского населения Молдавского княжества - возможно, важнейшей из неизученных тем.

1. О наименовании восточнославянского населения Молдавского княжества

Восточных славян - и живших в Молдавии, и жителей соседних с Молдавским княжеством Подолья и Галицкой земли - молдавские летописцы называли словом «рус», так же, как называют современных русских³. Просто русскими называл их выдающийся молдавский мыслитель XVIII в. Дмитрий Кантемир⁴. На рубеже XX в. потомки насельников юго-западной части Древней Руси, еще не вошедшие в состав украинской нации, именовали себя русинами, а во множественном числе - русскими⁵.

Насельники Древнерусского государства именовали себя **руси́нами**, вероятно, с ударением на первом слоге. Этноним этот семь раз встречается уже в древнейшей русской летописи - «Повести временных лет». «Аще хто убиеть крестиянина русин, или христианинъ русина, - читаем уже в тексте договора князя Олега с греками (912), - иде же аще створить убиство...»⁶. Наименование **«русин»** и термин **«русские люди»** встречаются также в Новгородской летописи при описании событий XI в.⁷ Слово «русин», производное от названия страны - Русь, соответствовало нормам русского языка домонгольских, да и более поздних времен. У молдавских летописцев во множественном числе термин **«рус»** звучал не **«рушь»**, как в настоящее время, а **«русь»**. В древнерусской форме, с ударением на первом слоге, оно до настоящего времени сохранилось в украинском языке, а во многих селах Молдавии их жители, ныне официально идентифицирующие себя как украинцы, подчеркивают, что они **«руськи люди»** и **«мова»** у них тоже **«руська»**⁸. Поэтому можно предположить, что именно таким - **«русин»**, **«русские люди»** - было самоназвание восточных славян Молдавского княжества и в XIV-XVIII вв.

В XX столетии, когда завершилось формирование русской (великорусской), украинской и белорусской наций, термин «**русин**», с ударением на втором слоге, стал применяться как наименование особой этнографической группы. Часть этой группы, проживающая в Бессарабии, в силу исторических условий обретшая этнокультурные особенности, отличающие ее от малороссов, вошедших в состав украинской нации, обрела новое самоназвание - «**руснаки**»⁹. Этноним «украинцы» применяется к ним только с 20-х гг. Используя также этноним «украинцы», именно так, **русинами**, уже в 80-е гг. XX в. называл восточнославянских насельников Молдавского княжества один из виднейших молдавских языковедов XX в. Н.Д. Раевский¹⁰.

На наш взгляд, было бы ошибкой отождествлять средневековый этноним **рус (русин)** с современным пониманием принадлежности к русской нации. Необходимо разграничивать также русинов - носителей древнерусского этнического сознания и русинов - представителей современного субэтноса. По названным причинам потомков древнерусского населения, проживавших в Молдавском княжестве в XIV-XIX вв., представляется корректным именовать не русскими или украинцами, а **русинами** - с ударением на первом слоге; правомерно также использование их самоназвания «**русские люди**».

2. Источники по истории русинов Молдавского княжества

Политическая обусловленность невнимания историографии к славянским сюжетам истории средневековой Молдавии очевидна уже из обилия данных об участии русинов в жизни княжества. Огромный фонд таких сведений содержат старейшие письменные источники по истории Молдавии - славяно-молдавские летописи. Старейшими из летописных источников по интересующей нас теме являются:

Поминальник Бистрицкого монастыря за период 1407-1552 гг.;

Анналы двора Стефана Великого (1457-1504 гг.);

Анонимная летопись Страны Молдавской (Бистрицкая летопись, 1359-1507 гг.);

Путнянская летопись (1-я редакция, 1359-1526 гг.);

Путнянская летопись (2-я редакция, 1359-1518 гг.);

Надпись на церкви в Белой Долине (1496 г.);

«Сказание вкратце о молдавских господарех отколе начаша Молдавская земля», Молдавско-славянская летопись 1359-1504 гг., сохранившаяся в русской (киевской) Воскресенской летописи;

Молдавско-немецкая летопись 1457-1499 гг.;

Молдавско-польская летопись 1432-1564 гг.;

Молдавско-славянская летопись Макария (1504-1551 гг.);

Молдавско-славянская летопись Евфимия (1541- 1554 гг.);

Молдавско-славянская летопись Азария (1551-1574 гг.);

Краткая молдавско-славянская хроника (1359- 1451 гг.)¹¹.

Летописи содержат более 1500 названий городов и сел, наименования сотен местностей, гор, рек и озер Молдавии, имена тысяч жителей Молдавского княжества, принадлежавших ко всем сословиям: государственных и военных деятелей, духовных лиц, купцов, крестьян; сведения о событиях государственной и церковной жизни, состоянии экономики и т.п., позволяющие судить о численности, расселении и политическом поведении русинского населения Молдавского княжества.

Сведения об истории и культуре русинского населения Молдавского княжества приводятся также в серии историй Молдавии, озаглавленных «Летопись Страны Молдавской», написанных на молдавском языке летописцами Григоре Уреке (охватывает период 1359-1594), Мироном Костином (1595-1661) и Иоанном Некулче (1661-1743). Сведения, содержащиеся в этих историях, дополнены и уточнены в написанном на латыни в 1716 г. труде Дмитрия Кантемира «*Descriptio Moldaviae*» («Описание Молдавии»)¹². В трудах летописцев, а также их интерпретаторов Евстратия Логофета, Симиона Даскэла и других приводятся сведения о расселении русинов в Молдавии в XV-XVII вв., оценки их численности, сведения об их языке и обычаях, об участии в политической жизни княжества и в войнах с поляками, турками, татарами, венграми, валахами. Достоверность летописных данных подтверждена фондом документов канцелярии молдавских господарей, частной перепиской, другими свидетельствами, обнаруженными в архивах Молдавии, России, Румынии, Украи-

ны и изданными во второй половине XX в. учеными Молдавии¹³ и Румынии¹⁴.

Упоминания о событиях в зонах компактного проживания русинов, об их участии в политической, экономической и культурной жизни Молдавского княжества содержат также молдавские летописи XVIII столетия. Часть их еще в 1874 г. была издана в Бухаресте Михаилом Когэлничану¹⁵. Документальные данные, позволяющие судить о направленности и итогах этноассимиляционных процессов, протекавших в Молдавском княжестве в XVIII в., содержат материалы проведенного в 1790-1792 гг. учета населения¹⁶.

3. Историография вопроса

Начало спорам о генезисе русинов Молдавии, выдвинув версию их позднего «миграционного» происхождения, положил в конце XVII в. летописец Мирон Костин (1633-1691). Вероятно, по этнополитическим мотивам¹⁷ он попытался опровергнуть изложенную Григоре Уреке (1590-1647) легенду об основании Молдавского государства, согласно которой «русские» проживали в Восточном Прикарпатье до появления там молдаван. Не аргументируя свои суждения ссылками на какие-либо источники, Мирон Костин заявил, что марамурешский воевода Драгош нашел пустынную страну, в которой «...поселил крестьян-русинов из Покутья и Подолии»¹⁸.

Эту теорию позднего появления русинов в Молдавии не поддержал даже сын Мирона Костина - Николай Костин (1660-1715), не менее чем отец известный летописец. В своем труде «Летопись Страны Молдавской» он повторил версию Г. Уреке об одновременном заселении пустынной страны молдаванами и русскими, приглашенными Яцко из Ляшской Страны¹⁹. Еще ближе подошел к истине Дмитрий Кантемир (1673-1723), считавший «русских» исконными жителями Молдавии. В книге «Описание Молдавии» (1716) он упомянул заселенную ими область на севере княжества - «Русский Кымпулунг» (т.е. Русское Долгополье); это была республика, население которой подчинялись молдавским господарям только в той степени, в какой считали нужным²⁰. Первенством русинов («русских») при заселении страны можно объяснить

и воспоминания о их былом господстве, сохранившиеся в молдавском народе до XVIII в. и также упомянутые Д. Кантемиром в труде «Летопись древностей романо-молдо-влахов»²¹.

Не будучи знакомы с трудами молдавских летописцев и Д. Кантемира, сто лет спустя к выяснению вопроса о времени расселения русинов в Карпато-Днестровском пространстве и изучению их культуры приступили российские ученые.

**а) Российская дореволюционная историография:
русины - коренное население Бессарабии,
отличное от велико- и малороссов**

Первые сообщения о происхождении и традиционной культуре русинов Пруто-Днестровского междуречья появились в официальных документах после присоединения края к России. В 1813 г. священнослужитель-молдаванин Петр Куницкий опубликовал брошюру, в которой были, в частности, кратко охарактеризованы нравы и обычаи местных «малороссиян». Петербургский чиновник П. Свиньин в докладе «Статистика Бессарабии» (1817) ошибочно связал появление малороссов в крае с их бегством от религиозных гонений, развернутых польскими властями в Юго-Западной Руси после заключения Унии, т.е. в XVI в., а полковник русской армии С.И. Корнилович, автор «Статистического описания Бессарабии» (1827), дал социальную версию иммиграции малороссов, объяснив их переселение с Украины стремлением уклониться от рекрутской повинности и помещичьего произвола в XVIII столетии. Конкретный характер проводимых военными исследований русинской проблемы подтвержден фактом: подполковник Генерального штаба М. Драган (1849) в составленном им военно-статистическом описании Бессарабской области дал достоверный очерк обычаев русинов и упомянул их самоназвание - «русняки»²².

Начало научному изучению русинов Бессарабии положили офицер Генерального штаба российской армии А.И. Зашук (по сведениям румынского историка Н. Иорги - «рутен», т.е. русин) и этнограф А.С. Афанасьев-Чужбинский, малоросс. Первый из них в двухтомном труде «Материалы для

географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область.» (СПб., 1862) осуществил этническое районирование края, указав, в частности, зоны компактного проживания русинов и их численность, выявил ряд форм их культурного взаимодействия с молдаванами. В статье «Этнография Бессарабской области», опубликованной в 1863 г. в журнале «Записки Одесского общества истории и древностей», А.И. Защук высказал справедливое мнение о том, что русины являются коренными жителями Бессарабии, и отграничил их от малороссов, являющихся более поздними поселенцами²³. Независимо от А.И. Защука и почти одновременно с ним к заключению о том, что руснаки - коренные жители края, пришел А.С. Афанасьев-Чубинский. Он отметил также отличие языка руснаков от малорусской речи и неблагоприятную для них направленность этнических процессов: во многих местах Бессарабии руснаки, помнящие о своем русском этническом происхождении, в языковом плане уже к середине XIX в. были ассимилированы молдаванами²⁴.

Этнокультурную самобытность руснаков, а также их родство с малороссами отметил также П.П. Чубинский, автор 7-томного труда по этнографии населения Юго-Западной Руси (СПб., 1872-1877). Термин «русняки», констатировал он, представляет собой самоназвание особого народа или живущих в Бессарабии «малороссов». П.П. Чубинский разделял русняков на три ветви: «горян, или карпатских русинов, галичан, иначе поднестровцев, или червонорусов и собственно русинов, или русняков, жителей Хотинского уезда, Подолья, Волынского-Галицкого пограничья, Владимирского уезда и Люблинщины». Исследователь убедительно обосновал также тезис о длительном проживании руснаков в Бессарабии²⁵.

Еще более решительно утверждал русскую этнокультурную идентичность русинов и автохтонность их происхождения уроженец Буковины Г.И. Купчанко. Буковинские русские, утверждал исследователь в работе «Некоторые историко-географические сведения о Буковине» (1875), самые древние поселенцы Буковины, которые именовали себя **русняками**, или **русскими людьми**, поляки их называли **русинами**, румыны - **русами**, а немцы - **рутенами**²⁶. К «великому племени - русско-

му» относил бессарабских русинов и П.А. Несторовский, чьи основные труды вышли в свет в 1905-1910 гг. Вместе с тем исследователь выделял их как особую «народность», отличную как от велико-, так и от малороссов, а язык русинов он определил как разновидность «малорусского языка». Поднестровские русины, верно предположил он, образовались от смешения «старинного русского элемента и разных выходцев из Галиции, Подолии и отчасти даже и Украины. Совершенно без примеси, чистым является буковинский тип»²⁷.

Культурную самобытность русинов Бессарабии и их автохтонное происхождение воспринимали как данность также А. Накко²⁸, В. Кельсиев, П. Сорока, С. Потоцкий, К. Крамаренко, Ф. Пуцыкович и другие российские исследователи конца XIX - начала XX в. Не отрицая давнего проживания руснаков в Бессарабии, Н.К. Могилянский не связывал их происхождение с **червонорусами**, как он называл насельников Галицкой Руси.

Ветвью «славяно-русской семьи» и потомками славян, живших в этих местах еще до образования Древнерусского государства, считал русинов Бессарабии и П.Н. Батюшков²⁹. Часть русинов, справедливо полагал и молдаванин-исследователь этого вопроса П.А. Крушеван, проживала в Бессарабии еще до прихода Драгоша, т.е. до возникновения Молдавского государства. В вышедшем в 1903 г. под его редакцией сборнике «Бессарабия» им упомянуты и переселения русинов из Галицкой Руси и Волыни в Хотинский уезд в конце XVI - начале XVII в., в эпоху становления церковной Унии в юго-западных землях исторической Руси³⁰. Не настаивая на непрерывности русского присутствия в крае, предположение о том, что «славяне проходили через Бессарабию не позже пятого столетия», высказал уроженец Бессарабии академик Л.С. Берг (1918 г.). Это, продолжал ученый, «первое появление славян в нашем крае, около того же времени славяне появились в Галиции, Буковине, Трансильвании». Отметив наличие у современных ему русинов Бессарабии представлений о себе как части русского народа, - самоназваний «руснаки» и «русские», - а также этнокультурных особенно-

стей, отличающих их от малорусов, он в угоду идеологическому прессингу все же причислил руснаков к последним³¹.

Дореволюционными российскими исследователями был введен в научный оборот богатейший комплекс данных, раскрывающих этнокультурную идентичность русинов Бессарабии, Буковины, Галиции. Ими был убедительно обоснован взгляд на русинов (руснаков) как на автохтонное население этих областей, отличное в этнокультурном плане от велико- и малороссов. После революции 1917 г. советская историография была нацелена на содействие консолидации украинской советской нации, и дальнейшая разработка русинской проблематики в России/СССР была прекращена. Русинов советские авторы именовали украинцами³². Однако русские ученые-эмигранты, менее подверженные идеологическому контролю, не поддерживали попыток удревнения этого термина. Отмечая двуэтничный характер средневековой Молдавии, Г.В. Вернадский назвал ее Молдавской Русью³³.

б) Румынская историография: «подразумеваемая» моноэтничность Молдавии

До 1918 г. основные территории проживания русинов находились в составе Австро-Венгерской империи и Румынии. Приоритетным в этих государствах являлось изучение истории и культуры государствообразующих наций. Обилие славянизмов в румынском языке, богатые славянские реминисценции в топонимике Румынии требовали объяснений, документы по истории Валахии и Молдавии были составлены в основном на славянском языке и изобиловали славянскими именами. Но в Румынии основой нациестроительства стало утверждение мифа об этнической однородности страны. Поэтому румынская историография, признавая славянское присутствие в Карпато-Днестровских землях и в Трансильвании в раннем Средневековье, не отрицая прямо наличия славян в Молдавском княжестве, пыталась представить те или иные группы восточнославянского населения «румынами», а историю Румынии, игнорируя наличие в «румынском пространстве», от Тиссы до Днестра и, возможно, восточнее, «нерумынского» населения, - только как «историю румын». Тезис

о приоритете проживания «румын» в «румынском пространстве» и поныне остается ключевым положением исторической концепции румынизма³⁴. Упоминания о самом существовании русинов допускаются в работах румынских ученых только в отступление от названного принципа.

Метод «исключения» русинов из истории Молдавии путем замалчивания самого их существования в Молдавском княжестве уже в конце XIX - начале XX в. широко использовал в своем 15-томном сочинении «История румын от Траяновой Дакии» румынский историк А.Д. Ксенопол³⁵. Представить Молдавское княжество моноэтничным пытался и один из виднейших идеологов румынизма историк Николае Йорга. Признавая наличие «достаточного числа русских» среди знати Молдавии и высказав даже мысль, что преждевременная смерть господаря Лацко (1365-1374) помешала ему основать в княжестве русскую династию, он не упоминал о русских крестьянах Страны Молдовы, а славянские имена первых правителей Валахии - Сенеслав, Тихомир, Литовой, Владислав - объяснял не их восточнославянским происхождением, а культурным влиянием соседей-славян на «румын». Отмечая боевую доблесть оргеян, лапушнян и сорочан, «людей некротимых и стойких», историк не упоминал о том, что оргеяне и сорочане были, скорее всего (или в большинстве своем), русские люди³⁶.

Курс гражданской истории Молдавии как повествование об этнической «истории румын» пытались выстроить и авторы двух «Историй Бессарабии», написанных в 20-30-е гг., - Ион Нистор и Александру Болдур, историки-молдаване, перешедшие на позиции румынизма. Первый из них, зная о славянском присутствии в Карпато-Днестровских землях в VI-XIV вв., тем не менее, исподволь внедрял «миграционную» теорию славянского присутствия в Бессарабии. Восьмивековое проживание славян в регионе до возникновения Молдавского княжества он абсурдным образом трактовал как время, проведенное ими в ожидании возможности двинуться далее на юг, в пределы Византийской империи. Пытаясь доказать приоритет присутствия «румынского элемента» даже в Буковине, И. Нистор отрицал преемственную связь русинов с тиверцами и другими группами древнерусского населе-

ния края. Подобно Мирону Костину, он представлял их недавними иммигрантами из Галиции и Буковины. «Рутены или украинцы, - не приводя доказательств, утверждал историк, - не являются коренными жителями Бессарабии. Они бежали на землю Молдавии [...] из Подолии и соседнего Покутья». Стремясь оспорить даже мнение румынских историков о том, что «малоруссы или украинцы, живущие сегодня в Черновицком и Хотинском цинутах, - потомки рабов, приведенных правителями Молдавии [из Галицкой Руси] и размещенных там», И.Нистор настаивал: «рутены или украинцы [...] проникли к нам намного позднее, [...] они скитальцы на Молдавской земле, пришельцы из Подолии и соседнего Покутья». В другой своей работе, «Украинский вопрос в свете истории», И. Нистор, также не приводя фактических данных, утверждал, что украинцы Хотинского уезда и даже Буковины - «пришельцы, беженцы из Галиции и Подолии, осевшие по приезду в молдавских селах», и, по существу противореча себе, даже предположил, что большинство русинов являются «рутенизированными молдаванами»³⁷.

Более взвешенную позицию занимал А. Болдур. Признавая достоверность приведенного в Лаврентьевской летописи списка русских городов, существовавших в Карпато-Днестровских землях до образования Молдавского государства, а также документа 1395 г., в котором Молдавское государство названо Россовлахией, и данных о том, что в песнях галичан Молдавию именовали Молдославией, А. Болдур, по примеру Н. Иорги, не допускал иных мотивов их появления, кроме «славянского влияния на румын Молдавии». Отметив, что в Килии и Белгороде официальным языком еще до образования Молдавского государства являлся русский, он, тем не менее, утверждал, что эти города уже тогда были населены большей частью «румынами». Следуя императивам концепции румынизма, историк пытался обосновать даже волошское происхождение тиверцев и улчей. Он допускал проживание в Молдавском княжестве немолдавского населения, но почему-то не русинов, а болгар, и только в Хотине. Функционирование в Молдавии русского языка как официального А. Болдур также не оспаривал, но объяснял этот факт не наличием в княжестве русинов, а подчиненностью Молдавской

церкви Киевской митрополии. Признавая нехватку документальных данных, позволяющих судить об этническом составе населения, он вместе с тем высказал убеждение, что в Бессарабии уже в конце XVI в. преобладали «румыны»³⁸.

Еще один историк-румынист 20-30-х гг., академик Штефан Чобану, не оспаривал наличия русинов в Молдавии в первые десятилетия существования княжества и даже назвал район их компактного проживания. Славяно-молдавская этническая граница, вслед за Н. Иоргой полагал он, и поныне отмечена топонимами с «малорусскими» окончаниями **-зущь**, производными от славянских **-овцы** и **-евцы**. В специальной работе «Украинская проблема в свете истории» Шт. Чобану упомянул, что во времена Стефана Великого в уездах Сучава, Ботошань, Васлуй и Тутова было много сел с названием «Русский». В духе антирусской конъюнктуры историк высказал мнение, что утверждение молдавской государственности в XIV в. столкнулось с попытками князя Юрия Кориатовича (1374) создать «славяно-русинское» государство в северо-восточном углу Молдавии³⁹. Но главное, как и И. Нистор, и А. Болдур, Шт. Чобану избегал привлекать внимание к истории русинского населения Молдавского княжества.

Историки отвечали на запросы правящих кругов страны. Возможно, последовательнее, чем правительства других государств, аннексировавших территории, населенные русинами, правительство Румынии добивалось их этнокультурного раскола, особенно в оккупированных в 1918 г. Бессарабии и Северной Буковине. При проведении в 1930 г. переписи румынские власти обозначили родной язык русинов двумя лингвонимами - как **рутенский** и **украинский**, а этнонимы **рутен**, **украинец**, **малорус** и **русняк** включили в одну графу. Русских (великороссов) при этом называли оскорбительно: **rus (muscal)** (русский (москаль)), а самоназвания **русин (руснак)** в бланках переписи не упомянули вообще. В тактическом плане эта мера оправдала ожидания ее инициаторов: часть русинов Румынии и оккупированных ею территорий отдала предпочтение государственной идентичности - румынской⁴⁰. Но русинской этничности сама по себе эта мера устранить не могла.

До логического завершения метод «исключения» русинов из истории Молдавии, Трансильвании и Валахии путем при-

знания их присутствия в княжествах на начальном этапе их существования при замалчивании их роли в дальнейшей политической и культурной жизни княжеств довел румынский историк-националист Петре Панаитеску. В книге «История румын», изданной во времена военно-фашистской диктатуры (1943 г.), он признал присутствие славян в Карпато-Днестровских землях не только в VI-XIII, но и в XVI-XVIII веках, отметил славянский характер множества гидронимов и топонимов Румынии, славянское влияние на формирование румынского языка. У славян, констатировал П.Панаитеску, румыны позаимствовали христианство, а также свою «старинную социальную и политическую организацию»⁴¹. Но других упоминаний о славянах в книге почти нет. История Румынии и существовавших до ее образования на территориях, включенных в ее состав, четырех княжеств - Молдавии, Валахии, Трансильвании (где государствообразующим этносом были венгры и имелось значительное славянское население) и славянской Добруджи, - представлена как история «румын». Отсутствие упоминаний о славянах создает у читателей ложное представление об этих государствах как о «румынских» по составу населения⁴².

На позициях замалчивания известных науке фактов по вопросу о проживании потомков древнерусского населения в Молдавии и Трансильвании осталась и румынская историография эпохи народной демократии и социализма, особенно в ее версии времен Н.Чаушеску (1964-1989). Даже объективные румынские исследователи истории румыно-славянских связей рассматривали почти исключительно межгосударственные отношения Румынии и России, а также взаимодействие румынской и русской литератур. Упоминания о славянском присутствии в Молдавском княжестве в работах историков были редки⁴³.

в) Молдавская советская историография: первые шаги к растабуированию русинской темы

В Молдавской Советской Республике, как и в каждом из субъектов Союза ССР, приоритетная поддержка была обеспечена культуре титульной нации и, естественно, в первую

очередь изучалась ее история. Исключение славян из молдавской истории обедняло и искажало ее, поэтому их участие в этногенезе молдавского народа в принципе признавалось, в контексте исследований истории молдавской культуры определенное внимание уделялось также изучению славянского влияния на формирование молдавского языка и развитие молдавской духовной культуры⁴⁴. Но влияние это исследователи трактовали как исключительно внешнее, идущее из-за пределов Молдавии: из Болгарии, Сербии, Галицкой Руси, России.

В Молдавии, как и на Украине, проводилась политика этнокультурной консолидации, включавшая «корректировку» этнического сознания русинов⁴⁵. Социальных либо политических причин для проведения специальных русинских исследований в республике не имелось, поэтому молдавская советская историография, подобно румынской, заняла позицию замалчивания русинской проблематики. В первом томе двухтомника «История МССР» (1965) не нашлось места для воспроизведения одного из важнейших документальных свидетельств славянского присутствия в Карпато-Днестровских землях - перечня древнерусских городов XII в., включенного в «Историю Молдавии» 1951 г. издания⁴⁶. Составители одготомника «История Молдавской ССР» (1984) построили курс истории Молдавии эпохи феодализма без упоминания об этнической структуре населения княжества, только отметив, что накануне создания Молдавского государства славяне составляли большинство населения Карпато-Днестровских земель⁴⁷.

Застой в осмыслении русинских сюжетов истории Молдавии становился все более очевиден благодаря успехам археологии. Результаты археологических исследований, проведенных в республике в 50-60-е гг. при ведущем участии Г.Б. Федорова, обогатили существовавшие представления о численности, культуре и судьбах древнерусского населения Карпато-Днестровских земель⁴⁸. Давнюю гипотезу румынской историографии о том, что русины северо-востока Молдавии являются потомками переселенцев XV-XVII вв., выступая по отношению к молдаванам в качестве суперстрата, опроверг молдавский археолог П.П. Бырня. Выходя за об-

щепринятые хронологические рамки археологических исследований, в своей монографии «Сельские поселения Молдовы XV-XVIII вв.» (1969) он выявил славянский характер большинства сельских поселений на севере Молдавии не только в древнерусский период, но и в XV-XVII вв.⁴⁹.

Установить примерную численность основных этнических групп и их долю среди населения Молдавии к концу правления Стефана Великого (1500), а также географию их расселения на территории княжества удалось историку Л.Л. Полевому. Сопоставив данные археологии с письменными источниками, исследователь заключил: «География, датация, этнокультурная принадлежность археологических памятников подтверждают до мелочей ретроспективную картину топонимов на территории Молдовы последней трети XIII - первой трети XIV в.». Историком были убедительно доказаны более ранние, по сравнению с молдавскими, сроки образования славянских поселений, главным образом на севере и северо-востоке Молдавии, и раскрыта динамика преобразования славянских топонимов в молдавские, т.е. ассимиляции русинов молдаванами. Для выяснения географии проживания русинов в княжестве показательна также составленная им топонимическая карта Молдавии XIV-XV вв. Северная Буковина, подтвердил Л.Л. Полевой в следующей монографии, являлась древней славянской землей, и осторожно сформулировал вывод о первичности проживания русинов в Карпато-Днестровских землях вообще: «славянская топонимия поселений прошла более длительный путь развития», чем молдавская⁵⁰. Анализируя находки археологов Молдавии и Румынии, М.В. Великанова еще 60-е гг. убедительно обосновала высказанное ранее румынскими исследователями мнение о наличии антропологических различий между средневековым населением Молдавии и Валахии, объяснив их интенсивными молдавско-славянскими контактами⁵¹, т.е. проживанием в Молдавском княжестве многочисленного восточнославянского населения.

Этническая идентичность русинов Молдавии получала попутное обоснование также в процессе разработки вопросов истории молдавской культуры. Издание в 60-80-е гг. XX в. молдавских песен и легенд, в том числе гайдуцкого

цикла, в которых фигурировали русины⁵², изучение молдавского фольклора, а также истории молдавско-руско-украинских культурных связей⁵³ вновь выявили наличие на севере Бессарабии в XV-XX вв. автохтонного компактно проживающего восточнославянского, т.е. русинского, населения. Не пытаясь объяснить масштабы его культурного взаимодействия с молдаванами, исследователи отмечали наличие общих элементов в фольклоре и бытовой культуре молдаван, украинцев и русских⁵⁴. Длительный, с XIV до второй половины XVIII в., и неизменно партнерский характер взаимодействия молдаван с русинским населением княжества, а также неблагоприятную для русинского этноса направленность этнических процессов уже в середине XV столетия, в начальный период правления Стефана Великого, на материалах лингвистики удалось подтвердить языковеду Н.Д. Раевскому. По примеру Л.Л. Полевого ученый упомянул странную формулу «русино-украинцы», но, сознавая, что участие русинов в формировании украинской нации в XX в. не дает оснований для наименования их украинцами уже в средние века, восточнославянское население Молдавского княжества он уже называл русинами⁵⁵.

Однако табу на разработку русинской темы оставались в силе. Игнорируя результаты исследований П.П. Бырни и Л.Л. Полевого, молдавские медиевисты по-прежнему ограничивались констатацией «присутствия старинного русского населения в цинутах между Днестром и Карпатами»⁵⁶ и проводили мысль о том, что молдаване, расселившись в конце XIII-XIV вв. в центре и даже на юге Пруто-Днестровского междуречья, незамедлительно ассимилировали славян, сохранившихся там после татарского нашествия. Некоторые исследователи, избегая обобщений, публиковали новые документальные подтверждения известных летописных свидетельств о пополнении славянского населения Молдавского княжества вследствие миграций, вызванных религиозными гонениями на православных и социальными притеснениями в Речи Посполитой⁵⁷, другие данные, посвященные частным вопросам истории русинов. Но под воздействием идеологического прессинга, отступая от принципа историзма, именовали их украинцами.

Показательна по противоречивости позиция виднейшего этнографа Молдавии конца XX в. В.С. Зеленчука. «Украинские [?] поселения, расположенные на севере области, - вопреки уже установленным наукой фактам утверждал он в книге «Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в.» (1979), - были такими же древними, как молдавские». Далее следовало положение о все-таки более древнем происхождении славянских поселений: «Письменные источники и археологические данные свидетельствуют о том, что с VI до начала XIII в. культура Восточного Прикарпатья носила ярко выраженный славянский характер. На территории между Карпатами и Днестром с конца VII до IX в. существовала славянская культура, получившая название Лука-Райковецкая - Хлинча». Затем автор попытался оспорить факт проживания потомков насельников Древней Руси в Молдавском княжестве: «Молдавское население, расселившееся в конце XIII-XIV вв., поглотило оставшиеся там группы славян». И, наконец, опровергая собственный тезис о быстрой ассимиляции русинов молдаванами, этнограф привел данные о существовании в Молдавии русинского населения в XIX веке⁵⁸. Это была политически обусловленная позиция. Десять лет спустя В.С. Зеленчук, не приводя каких-либо аргументов, вновь повторил необоснованное положение о том, что после образования Молдавского государства молдаване ассимилировали проживавшее в Карпато-Днестровских землях славянское и даже тюркское население⁵⁹, вероятно, татар. От рассмотрения судеб русинского населения средневековой Молдавии этнограф уклонился.

Таким образом, накопление в научном обороте сведений об истории и культуре русинов Молдавии в 50-е - 80-е гг. XX в. шло только попутно, в процессе изучения истории и культуры молдавского этноса. Ни одной специальной монографической работы, ни одной научной и даже газетной статьи, посвященной истории русинского населения Молдавского княжества, в рассматриваемый период так и не было опубликовано.

**г) Украинская историография:
замалчивание существования русинов в Молдавии**

Классик украинской историографии львовский профессор а затем советский академик М.С. Грушевский (1866-1934), сыгравший одну из ведущих ролей в обосновании украинской национальной идентичности, не отрицал этнокультурной самобытности русинов, использовал в своих публикациях этнонимы «русины» и «русские люди», а в работе «История Украины-Руси» привел сведения об ускоренной ассимиляции румынами и венграми русинского населения Трансильвании в XVIII-XIX вв. Однако русины (руснаки) Бессарабии остались вне сферы его внимания. О вторжении казаков и татар в 1650 г. в Молдавию и ее «жестоком опустошении» он сообщает походя, одной строкой, как о войне против чуждого народа⁶⁰. Учитывая эрудицию историка, игнорирование им самого факта проживания в Молдавии потомков древнерусского населения нельзя объяснить его неосведомленностью. Это было признание особой, отличной от малороссиян (будущих украинцев), этнокультурной идентичности русинов.

Позицию замалчивания существования русинов в Молдавии заняла и украинская советская историография. О проживании в средневековой Молдавии даже не русинов, а, как признавала молдавская историография, «восточнославянского населения», в трудах, посвященных истории Украины, не упомянуто. Показательно описание похода войска Богдана Хмельницкого в Молдавию в 1650 г., данное в обобщающем труде «История Украины» (1979). Столица княжества Яссы, отмечено авторами, была занята казаками без боя, молдавские полки, собранные господарем, присоединились к крестьянско-казацкому войску. Однако никаких разъяснений причин, ни социальных, ни этнокультурных, столь необычного или, наоборот, если вспомнить походы Ивана Подковы и других запорожских претендентов на молдавский престол, закономерного поведения молдаван, в книге не дано⁶¹. Безосновательно удревняя распространение этого термина в качестве этнонима, украинцами именуют русинов

средневековой Молдавии и авторы обобщающих этнологических работ⁶².

Избегают упоминать о существовании русинов в Молдавии и украинские историки-эмигранты. Именуя их украинцами, отмечают приоритет их расселения на Буковине⁶³. Сознательно путая понятия, Наталия Полонская-Василенко пишет о борьбе «украинских» бояр за власть в Молдавии в конце XIV столетия, якобы завершившейся победой «румынской» (в действительности - волошской) династии Мушатинов, и безосновательно определяет княжество как «национально необозначенное» государство. Молдавского господаря Стефана Великого историки-эмигранты, не приводя каких-либо доказательств, снисходительно объявляли покровителем «украинской» культуры, а описывая участие казаков в войне против турок на территории Буджака в 1609 г., признавали, что в ходе их похода «были разграблены Килия, Измаил и Аккерман», не упомянув о том, что значительную часть или большинство их населения составляли русины. Начало «румынизации» Буковины они, также не приводя фактов, связывают с правлением господаря Василия Лупу (1634-1653)⁶⁴.

д) Современное состояние исследований истории и культуры русинов Молдавии

В 90-е гг. XX в. по причинам вненаучного характера даже попутная разработка вопросов истории и культуры славянского населения Карпато-Днестровских земель в научных и учебных учреждениях Молдавии была прекращена. Исключив из своих работ упоминания о славянах средневековой Молдавии, историки-румынисты довели до абсурда метод фальсификации истории, еще в XIX в. введенный в обиход румынской историографией. Документальная база истории русинов все же пополнена материалами, опубликованными в двух томах сборника «Молдова в эпоху феодализма. Молдавские и славяно-молдавские грамоты и записи», охватывающих период 1671-1710 и 1711-1750 гг.⁶⁵ Однако названный сборник издан с нарушениями научных принципов публикации исторических документов; молдавские тексты, на-

писанные в оригинале кириллицей, опубликованы в латинской транскрипции. А автор работы «Отношения румын с восточными славянами до 1812 г.»⁶⁶, безосновательно оспаривая свидетельства летописцев и игнорируя результаты исследований П.П. Бырни, Л.Л. Полевого, Н.Д. Раевского и других ученых, предпринял попытку «опровергнуть» сам факт проживания славян в Молдавском княжестве. Умалчивают о существовании в Молдавском княжестве русинского населения и разработчики курса «история румын». А о славянах и венграх, проживающих за пределами «румынского пространства», они в издаваемых ими учебниках и учебных пособиях упоминают, как правило, в негативном плане⁶⁷.

Неизученность истории русинов Молдавии осложняет освоение этой темы и исследователям, сохранившим верность научному подходу. В XIV в., отмечено в «Истории Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» (1997), первом обобщающем труде по национальной истории, созданном после перехода Молдавии к независимости, «Днестровско-Карпатские земли продолжали интенсивно заселяться волохами из-за Карпат и древнерусским населением из Галицкой Руси», но весь курс истории Молдавского княжества вновь построен почти без упоминаний об этническом составе его населения⁶⁸.

Однако русинские сюжеты закономерным образом присутствуют в трудах, посвященных истории Молдавии, даже в случаях, когда отношение исследователей к самому факту существования в средневековой Молдавии славянского населения остается не вполне определенным. «Местным русским населением» и русскими крестьянами безоговорочно именует жителей Северной Молдавии XV столетия польский историк Здислав Сперальский⁶⁹. Идеолог молдавизма В.Н. Стати, наоборот, поддержал несостоятельный тезис о быстрой ассимиляции славян молдаванами в центральной и южной частях Пруто-Днестровского междуречья и попытался заменить используемый молдаванами по крайней мере со времен летописца Григоре Уреке (XVII в.) этноним «рушь» странным термином «протомолдаване». Переселение «русских», т.е. русинов, в Молдавию из Галицкой Руси и Подолии, осуществленное Стефаном Великим, исследователь, забывая об угоне

населения Молдавии в те же годы на север польскими войсками, трактует как главную причину существования в Молдавии многочисленного русинского населения еще в конце XVII столетия. По поводу известного высказывания Стефана Великого (1503), в котором использована характерная для языка русинов частица «ся»: «взял есми ту букату земле хочущоби ми ся достало», ученый присоединяется к справедливому выводу румынского автора о том, что господарь «говорил по-русски», никак, однако, не объяснив его языковой компетентности⁷⁰.

Замалчивание проживания потомков древнерусского населения в Молдавии остается традицией украинской историографии. В школьных учебниках Украины отсутствуют не только этноним «русин», но и упоминания о наличии предков современных украинцев в Молдавском княжестве. Отсутствие упоминаний о русинах Молдавии при описании таких событий украинской истории, как восстание Дмитрия Мухи - Андрея Борули (1490-1492), поход Ивана Подковы и его правление в Молдавии (1577), а также походы Богдана Хмельницкого, создает у учащихся ложное представление о моноэтничном составе населения княжества и о существовании украинско-молдавского межэтнического конфликта в позднем Средневековье. Показательно также исключение украинской историографией из контекста украинской истории столь замечательного исторического деяния руснаков Северной Бессарабии как поднятое ими совместно с молдаванами Хотинское восстание 1919 г., направленное против румынской оккупации⁷¹, - очевидно потому, что состоялось оно под лозунгами воссоединения Бессарабии с Россией, а правительство Центральной Рады отказало повстанцам в поддержке.

Вместе с тем находящийся в научном обороте фонд данных о русинской идентичности пополняется в результате региональных и краеведческих исследований историков и этнографов. На материалах участия русинов в «москвофильском» и «народовском» движениях конца XIX - начала XX в. профессору Черновицкого университета А. Добржанскому удалось вскрыть механизм подавления русинского самосознания властями Австро-Венгерской империи и польско-ка-

толическими кругами Галиции в конце XIX - начале XX в.⁷² Этнокультурные особенности русинов Буковины и Северной Бессарабии выявлены Г. Кожолянко в обстоятельном исследовании «Этнография Буковины»⁷³. Вопросы истории русинов Карпато-Днестровского региона затрагивают также зарубежные русинские, точнее, карпаторусские историки⁷⁴.

Российская украинистика признает иерархичность уровней этнического сознания современных украинцев. Галиция в XII в., явствуя из фундаментального труда «Украинцы» (2000), изданного Институтом этнологии и антропологии РАН, отмечено его авторами, включала Поднестровье, а изначальные самоназвания жителей Южной Руси - русин, русич, руснак, русский - так и не исчезли из лексикона жителей Закарпатья, Галиции, Подолья. Осознавая себя украинцами, они сохраняют генетическую связь с древнерусским населением, именуясь русинами (руснаками); осознавая принадлежность к краю, называют себя карпаторусами. Упомянуты в книге и региональные самоназвания украинцев: буковинцы, верховинцы, волыняне, галичане, запорожцы, казаки, малороссы, ополяне, подгорцы, пинчуки, подольяне, севрюки, слобожане, степняки, тавричане, червонорусы, черкасы, черноморцы, а также этнографические группы: бойки, лемки, гуцулы. Выделен авторами и нижнеднепровско-прутский антропологический тип украинцев. Прутский вариант отличается более интенсивной пигментацией и большим развитием третичного волосяного покрова, он характерен для населения Северной Молдавии и Хотинщины, которое говорит на особом поднестровском диалекте. Упомянуты и другие особенности культуры русинов Бессарабии. Однако этноним «русин» используется авторами труда только применительно к украинцам, в начале XX в. эмигрировавшим в Канаду. Остается необоснованной попытка авторов трактовать появление термина **Украина** как свидетельство «завершающегося этапа формирования украинского этноса» уже с XII столетия⁷⁵.

Переходной в концептуальном плане стала работа В.П. Степанова (2001), посвященная истории этнографического изучения русинов Бессарабии. Исходя из этнокультурных реалий, автор признал наличие у коренного восточно-

славянского населения Молдавии особенностей, отличающих его от украинцев, в том числе особого русинского этнического сознания и самоназваний «русины», «руснаки» и «руськи люди». Отметил историк и то обстоятельство, что русины Бессарабии никогда не жили в составе Украинского государства. Однако, разделяя официальную трактовку украинской этничности, автор не сделал вывода о том, что русины Молдавии частью украинской нации не являются, именует их этнографической группой украинцев - «бессарабскими украинцами»⁷⁶. Формальные основания для такого заключения дают результаты политики подавления этнического сознания русинов, проводимой в Бессарабии с 1918 г. Судя по материалам переписи населения 1989 г., ни один житель республики русином себя не назвал. Однако это обстоятельство вряд ли дает основания утверждать, что людей, помнящих о своем русинском происхождении, в Молдавии нет.

Научные итоги предшествующего периода исследований раннесредневековой истории русинов Карпато-Днестровских земель удалось подвести авторам обобщающей коллективной монографии «И... разошлись славяне по земле» (2002 г.). С привлечением новых, не использованных прежде источников ими обоснована непрерывность славянского присутствия в этих землях в VI-XIII вв. н. э. Признавая запустение этих земель и нестабильность их политического статуса уже в конце XII - первой половине XIII в., исследователи вместе с тем заключили, что «в землях к востоку от Карпат славяне продолжали обитать и позднее, даже после многих десятилетий господства Золотой Орды»⁷⁷. Тем самым перед исторической наукой был вновь поставлен вопрос о судьбах древнерусского населения в составе Молдавского государства, когда условия существования стали менее опасными. Продолжено пополнение фонда артефактов культуры руснаков Молдавии. Памятники устного народного творчества украинцев северных районов республики, собранные и опубликованные фольклористом В.Д. Панько, позволяют выявить его отличия от фольклора потомков малорусских поселенцев XIX - начала XX вв. и представляют собой вклад в обоснование этнокультурной самобытности русинов Молдавии⁷⁸.

Закономерным продолжением предшествующего этапа русинских исследований явился выход в 2004 г. в свет монографии С.Г. Суляка «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии», в которой история русинов Молдавского княжества кратко рассмотрена в общем контексте проблемы русинской идентичности. Справедливо рассматривая живущих ныне в Украине, Словакии, Сербии, Польше, Румынии, Молдавии русинов и их потомков, помнящих о своем этническом происхождении, как части населения Древней Руси, не вошедшей в состав русской, украинской и белорусской наций, автор убедительно обосновал автохтонное происхождение русинов Карпато-Днестровских земель и факт их проживания в Молдавском княжестве на протяжении всего периода его существования. Буковина и север современной Молдавии, удалось показать исследователю, входили в зону первичного славянского этногенеза (IV-VII вв.), и присутствие славян на этих землях с тех пор было непрерывным. Мирный характер взаимоотношений русинов Восточного Подкарпатя с молдаванами в период образования Молдавского княжества автор резонно объясняет общностью православной веры волохов и русинов, волошко-русинским составом населения Семиградской Руси (Трансильвании) и тем обстоятельством, что поход Богдана на восток представлял собой волошко-славянское предприятие. Оригинально мнение автора о том, что славянские сельники Карпато-Днестровских земель являлись прямыми преемниками скифо-сарматского мира⁷⁹.

Особую наглядность повествованию С.Г. Суляка придает использование им при анализе миграций русинов Буковины в Бессарабию в XIX в. и этнокультурных процессов, происходивших в их среде в XX столетии, документов, относящихся к истории его собственной семьи и родного русинского села Булгак. Наличие в Молдавии множества граждан, официально идентифицирующих себя как украинцы, молдаване или русские, но знающих о своем русинском происхождении, выявили презентация книги, состоявшаяся 9 июня 2004 г. в помещении Департамента межэтнических отношений Республики Молдова, и отклики на это событие, поступающие в общественную организацию «Русь». Актуальность изучения

истории русинов Молдавии подтверждена также научной дискуссией по вопросам русинской истории, развернувшейся в Молдавии в 2003 г.⁸⁰ и положительными откликами на выход монографии С.Г. Суляка в периодической печати Молдавии и за рубежом⁸¹.

Таким образом, главные достижения в изучении культуры русинов Молдавии связаны с российской дореволюционной этнографической наукой. История руснаков Молдавского княжества и Бессарабии получала лишь попутное освещение в контексте истории Молдавии и общей истории русинов. Дальнейшее замалчивание историками самого факта проживания русинов в Молдавском княжестве в Средневековье и в Новое время, а их потомков в Молдавии в наши дни не имеет научных оснований и препятствует созданию подлинно научной истории Молдавии. Русинов Молдавии не могут более оставаться народом без истории. Логика исторического познания требует написания специального труда, посвященного истории потомков древнерусского населения, принявших участие в формировании Молдавского государства, молдавской народности эпохи феодализма и современной молдавской нации, защите Молдавии, в развитии ее экономики и культуры.

Только после создания такого труда история русинов нашего края войдет в массовое сознание народов Молдовы, заинтересует деятелей культуры и искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. Москва, 2004. С. 219.

2. См. подробнее: Шорников П. Концепция забвения: Идеологическое вторжение в Республику Молдова // Мысль [Кишинев], 2000, №1(9); Его же. Молдовенизм. Историографический очерк // Мысль, 2003, №2(20).

3. А се ведя: Уреке Г. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1971. П. 66, 70, 118 ш.а.; Костин М. Летописецул Цэрий Молдовой де ла Аарон-водэ ынкоаче. Кишинэу, 1972. П.116, 166; Некулче И. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1974. П. 291, 305.

4. Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев, 1973. С. 147, 151.
5. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXVII. Санкт-Петербург, 1899. С.297-297 // Суляк С. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. С. 174.
6. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т.25. Москва-Ленинград, 1949. С. 344-345.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва-Ленинград, 1950. С. 176.
8. Степанов В.П. Проблема сохранения инонационального населения в условиях национального меньшинства в Республике Молдова: по результатам этносоциолингвистического исследования украинского населения села Мусаит Тараклийского уезда // *Moldova intre est si vest: identitatea nationala si orientarea europeana*. Chisinau, 2002. P. 207.
9. Суляк С. Указ. соч. С. 10, 96-122.
10. Раевский Н.Д. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу, 1988. П. 232-244.
11. См.: Славяно-молдавские летописи. Москва, 1973.
12. А се ведя: Уреке Гр. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1988; Костин М. Летописецул Цэрый Молдовей де ла Ааронводэ ынкоаче. Кишинэу, 1972; Костин М. Опере. Кишинэу, 1989; Некулче И. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1974; Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев, 1973.
13. Молдавия в эпоху феодализма. Славяно-молдавские грамоты. Составители: А.Н. Никитич, Д.М. Драгнев, Л.И. Светличная / Под ред. П.В. Советова. Т. I (XV в. - первая четверть XVII в.). Кишинев, 1961; Т. II (XV- XV вв.). Кишинев, 1978; Т. III (1601-1640). Кишинев, 1982; Т. V. Кишинев, 1987; Т. VI. Молдавские и славяно-молдавские грамоты и записи (1671-1710). Кишинев, 1992.
14. А се vedea: Documente privind istoria Romaniei. A. Moldova / Red. resp. Mihail Roller. Vol. I-V. Bucuresti, 1951-1957; Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. I-III. Bucuresti. Ed. Acad. Romane. 1975-1990; Documente privind istoria Romaniei. A. Moldova. Veacurile XIV-XVII (1384-1625): Indicile numelor de locuri / Intocmit de A.I. Gonta. Bucuresti. Ed. Acad. Romane. 1990; Documente privind istoria Romaniei. A. Moldova. Veacurile XIV-XVII (1384-1625): Indicile numelor personale / Intocmit de A.I. Gonta. Bucuresti, 1995.
15. А се vedea: Cronicile Romaniei sau letopisetel Moldovei si Valahiei. Ed.: M. Kogalniceanu. Vol. I-III. Bucuresti, 1874. Характеристика молдавских летописей XVIII в. см.: Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 50-56; Руссев Е.М. Мол-

давское летописание - памятник феодальной идеологии. Кишинев, 1982.

16. Молдавия в эпоху феодализма. Славяно-молдавские документы. Составители: А.Н. Никитич, Д.М. Драгнев, Л.И. Светличная / Под ред. П.В. Советова. Т. VII (в двух частях). Кишинев, 1975.

17. Мирон Костин был идеологом польской партии молдавских бояр, а ее вождем являлся его брат Величко Костин. Отношение летописца к русским людям сформировалось в молодости, когда он сражался на стороне польских войск против казаков, предводительствуемых Богданом Хмельницким. Позднее, в 1682-1684 гг., М. Костин в течение двух лет жил в Польше в почетном плену, где и создал свой исторический труд. Этнокультурной враждой отмечено и его отношение к русинам Молдавии. В бытность логофетом, когда ему довелось руководить борьбой против гайдуков в Путнянском цинуте, населенном преимущественно русинами, М. Костин отличался жестокостью, вряд ли возможной по отношению к соплеменникам. Однажды, когда были захвачены в плен 40 человек, по приказу М. Костина они, пишет И. Некулче, «...были изрублены каждый на четыре части, отдельные изрубленные части человеческих тел сложил на перекрестках дорог». Сын Мирона, Николай Костин, также признает, что в борьбе с гайдуками его отец «...сколько ловил, [столько] сажал на кол, и из трупов образовались целые холмы... и все равно не мог их истребить.» (Цит. по: Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. С. 276)

18. Costin M. Opere. P. 233.

19. Costin N. Scrieri. In doua volume. Vol. I. Chisinau, 1990. P. 98, 99.

20. Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев, 1973. С. 7, 38.

21. См.: Cantemir D. Hronicul vechimii a romano-moldo-vlahilor. Bucuresti, 1906. P. 325 // Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев. 1978. С. 86.

22. См.: Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX - начала XX в. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев. Кишинев, 2001. С. 64-70.

23. См.: Защук А.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Санкт-Петербург, 1862; Его же. Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Военное обозрение Бессарабской области. Санкт-Петербург, 1863.

24. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. II. Очерки Днестра. Санкт-Петербург, 1863. С. 129.

25. См.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной РГО. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные действительным членом П.П. Чубинским. Т. 1-7. Санкт-Петербург, 1872-1877; Отчет о деятельности юго-западного Императорского РГО за 1874 год, составленный правителем дел П.П.Чубинским. Киев, 1875.

26. Купчанко Г.И. Некоторые историко-географические сведения о Буковине // Записки юго-западного отдела Императорского Русского географического общества. Т. II. Киев, 1875.

27. См.: Несторовский П.А. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава, 1905; Его же. На севере Бессарабии. Варшава. 1910; Его же. Материалы по этнографии бессарабских русинов. Киев, 1905.

28. См.: Накко А. Бессарабія (Историческое описание). Т. 1-2. Одесса, 1875-1876.

29. См.: Бессарабія. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. Санкт-Петербург, 1892.

30. См.: Бессарабія. Географическій, историческій, статистическій, экономическій, этнографическій, литературный и справочный сборникъ. Издание газеты «Бессарабець» / Под редакцией П.А. Крушевана. Москва, 1903.

31. См.: Берг Л.С. Бессарабия. Страна-люди-хозяйство. Петроград, 1918.

32. См.: Бессарабия и Северная Буковина / Под ред Н.С.Державина. Ленинград, 1940.

33. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Санкт-Петербург, 2000.

34. Подробно см.: Шорников П. Концепция забвения: Идеологическая агрессия против Молдовы // Мысль [Кишинев], 2000, № 2(10).

35. A se vedea: Xenopol A. D. Istoria romanilor. Editia a 3-a. Vol. I-XIV. Bucuresti, 1896; Ed. A 4-a. Vol I-XIV. Bucuresti, 1913.

36. A se vedea: Iorga N. Istoria romanilor. In 10 Volume. Iasi-Bucuresti, 1988; Idem. Istoria romanilor pentru poporul romanesc. Valenii-de-Munte, 1908; Idem. Neamul romanesc in Basarabia. Vol. I-II. Bucuresti, 1995-1997; Idem. Histoire des relations russo-roumaines. Antologie et edition augmentee par Florin Rotaru. Bucarest, 1995.

37. A se vedea: Nistor I. Istoria Basarabiei. Bucuresti, 1991.

38. A se vedea: Boldur A. Istoria Basarabiei. Bucuresti, 1992.

39. A se vedea: Ciobanu St. Basarabia. Monografie. Chisinau, 1993; Idem. Problema ucraineana in lumina istoriei. Radauti, 1997.

40. См.: Суляк С. Осколки Святой Руси. С. 119.
41. A se vedea: Panaitescu P. Istoria romanilor. Chisinau, 1992.
42. Подробно см.: Шорников П. Молдовенизм. Историографический очерк // Мысль, 2003, №2(20).
43. A se vedea: Constantinescu-Iasi P. Relatiile culturale romano-ruse. Bucuresti, 1954; Bezviconi Gh. Contributii la relatiile romano-ruse. Bucuresti, 1962.
44. А се ведя. Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев. 1964; История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965; Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977; История литературий молдовенешть. Волумул 1. Де ла орижинь пынэ ла 1840. Кишинэу, 1986; История Молдавской ССР. Том I. Кишинев, 1987.
45. См. подробно: Суляк С. Указ. соч. С. 128-129.
46. См.: История Молдавии. Кишинев, 1951; История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965.
47. См.: История Молдавской ССР. Кишинев, 1984.
48. См.: Федоров Г.Б. Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953; Его же. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА. 1960. № 89; Его же. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. Москва, 1966; Его же. Древнерусская культура Поднестровья (X-XII вв.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.
49. См.: Бырня П.П. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев, 1969; Его же. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV- нач. XVI в.). Кишинев, 1984.
50. См.: Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979; Его же. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев, 1985.
51. См.: Великанова М.В. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. Москва, 1975; Ее же. Антропология средневекового населения Молдавии. Москва, 1993.
52. А се ведя: Леженде, традиций ши повестирь орале. Алк.: Гр. Ботезату / Суб ред. луй В.М. Гацак. Кишинэу, 1975; Театру популар. Алк.: Г.И. Спатару ши Ю.И. Филип / Суб ред. луй Н.М. Бэешу ши В.А.Чиримпей. Кишинэу, 1981. Фолклор дин степа Бэлцулуй. Кишинэу, 1988; Фолклор дин кымпия Сорочий. Кишинэу, 1989.
53. См.: Чебан И.Д. Молдавская народная лирическая поэзия. Необрядовая песня. Кишинев, 1973; Гацак В.М. Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. Москва, 1975; Гацак В.М., Рикман Э.А. Легенда о Драгоше и отражение в ней сред-

невековой этнической ситуации в Восточном Прикарпатье // Этническая история и фольклор. Москва, 1977.

54. А се ведя: Креация популарэ (Курс теоретик де фолклор ромынеск дин Басарабия, Транснистрия ши Буковина). Кишинэу, 1991.

55. А се ведя: Раевский Н.Д. Контактеле романичилор рэсэри-тень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу, 1988.

56. См.: Параска П.Ф. Ла извоареле приетений попурулуй молдовенеск ку попоареле рус ши украинян. Кишинэу, 1986.

57. См.: Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствове-дения. Кишинев, 1977; Формирование молдавской буржуазной нации. Кишинев, 1978;

58. См.: Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Ки-шинев, 1979.; Загородная Е.М., Зеленчук В.С. Популяция РСС Молдовенешть. Кишинэу, 1983.

59. Зеленчук В.С. Население Молдавской ССР (социальные и демографические процессы). Кишинев, 1987.

60. См.: Грушевський М. Історія України-Руси. Том I. До по-чатку XI віка. Львів, 1904; Его же. Ілюстрована історія України. Донецьк, 2003.

61. Історія Української РСР. Том 2. Київ. 1979.

62. Украинцы. Народы Европейской части СССР. Москва, 1964 (Народы мира); Украинско-молдавские этнокультурные взаимо-связи в период социализма. Киев, 1987; Зеленин Д.К. Восточнос-лавянская этнография. Москва, 1991.

63. Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1993.

64. Полонська-Василенко Н. Історія України від середини XVII століття до 1923 року. Т.2. Київ, 2002.

65. См.: Молдова в эпоху феодализма. Молдавские и славяно-молдавские грамоты и записи. 1671-1710. Сост.: А.Н. Никитич, Д.М. Драгнев, Л.И. Светличная. Кишинев, 1992; Moldova in epoca feudalismului. Vol. VIII. Documente moldovenesti din secolul al XVIII-lea (1711-1750) / Carti domnesti si zapise. Intocmit de L. Svetlicnaia, D. Dragnev, E. Bociarov. Chisinau, 1998.

66. А се vedeа: Gonta I. Relatiile romanilor cu slavii de rasarit pina la 1812. Chisinau, 1993.

67. А се ведя: Panaitescu P.P. Istoria romanilor. P.II. Chisinau. 1990; Панаитеску П.П. История румын. Кишинев, 1991; История румын. Античность и средневековье. Учебник для VIII класса. Проф. Хадриан Дайковичиу, проф. Помпилиу Теодор, проф. Иоан Кымпяну. Кишинэу, 1993; Ожог И.А. История румын. Ч.I. Древ-няя и античная история. Кишинев, 1993; Niculita I. Istoria romanilor.

Epoca veche. Chisinau, 1997; Dragnev D., Dragnev E. Istoria medie a romanilor (pina la mijlocul secolui al XVII-lea) . Chisinau, 1997; Idem. Istoria moderna a romanilor. Partea I. (mijlocul secolului al XVII - 1848). Chisinau, 1997; Vizer B. Istoria contemporana a romanilor. Chisinau, 1997; История румын. Новейшее время. Учебник для 9-го класса. Кишинев, 1999; Niculita I. Istoria romanilor. Perioada antica. Manual. Chisinau, 1999; Istoria noua a romanilor. Partea I - II. 1848-1918. Manual pentru clasa VIII. Chisinau, 1999; История румын. Знаменательные страницы. Учебник для 4-го класса. Chisinau, 1999; Никулицэ И. История румын: Древний период. Экспериментальный учебник для V класса. Кишинев, 1999; Istoria romanilor. Pagini ilustre. Manual pentru clasa IV. Chisinau, 1999; Istoria Basarabiei (De la inceputuri pina in anul 1998). Chisinau, 2001; Esanu A. Cultura si civilizatia medievala romaneasca: Din evul mediu timpuriu pina in sec. 17. Manual pentru invatamintul superior. Chisinau, 1996; Idem. Contributii la istoria culturii romanesti (Moldova medievala). Bucuresti, 1997; Новая история румын. Часть II. 1848-1918. Учебник для VIII класса). Кишинев, 1999.

68. См.: История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1997, 1998; Второе издание, переработанное и дополненное, вышло в свет в 2002 г.

69. См.: Сперальский Зд. Молдавские авантюры. Бэлць, 2001.

70. A se vedea: Istoria Moldovei in date. Elaborata: Vasile Stati. Chisinau, 1998; Stati V. Istoria Moldovei. Chisinau, 2002; Stati B. История Молдовы. Кишинев, 2003; Stati V. Stefan cel Mare Voievodul Moldovei. Chisinau, 2004; Штефан Великий, Господарь Молдовы. Кишинев, 2004.

71. См.: Коляда І.А., Криlach К. І., Юренко С.П. Історія України. Підручник для 6-7 класів. Київ, 1999; Лях Роман, Темірова Надія. Історія України з найдавніших часів до XV століття. Підручник для 7 класу. Київ, 2000; Власов В. Історія України. Підручник для 8 кл. загальноосвіт. Навч. закл. Київ, 2002; Турченко Ф.Г. Новітня історія України. Частина перша. 1917-1945. 10 клас. Підручник для серед. загальноосвіт. шк. Київ, 2000; Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Новітня історія України (1945-1998 рр.) Підручник для 11-го кл. серед. шк. Київ, 2000.

72. См.: Добржанський О. Національний рух українців Буковини другої половини ХХ - початку ХХ ст. Чернівці, 1999.

73. См.: Кожолянко Г. Эмиграция трудового населения Буковины в конце XIX - начале XX в. // Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы (период феодализма и капитализма). Кишинев, 1991; Кожолянко Г. Етнографія Буковини.

Чернівці. 1999. Т.1.; Т.2. Чернівці, 2002.

74. См.: Магочій П.Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848-1948). Ужгород, 1994; Его же. Карпатськы русины. Торонто, 2000. Штумпф-Бенедек А. Сосіды добрі и вшеилякі. Русины, gens fidelissima. Ужгород, 2001.

75. См.: Украинцы. Москва, 2000. С. 19, 21, 44, 57, 60. См. также: Восточные славяне: Антропология и этническая история. Москва, 1999.

76. См.: Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX - начала XX в. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев. Кишинев, 2001.

77. См.: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович Р. «И... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. Кишинев, 2002.

78. См.: Панько В. Заговоры севера Молдовы. Бельцы, 2002.

79. См.: Суляк С. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004.

80. См.: Суляк С. Миграции русинов Буковины в Бессарабию // Национальные образы мира: единство - разнообразие - справедливость. Материалы международной научно-практической конференции 22-23 октября 2003 г. Кишинев, 2003; Шорников П. Культурное многоцветье Молдавского княжества // Там же; Суляк С. Руснаки Бессарабии: Почему им нет места в учебниках истории? // Мысль, 2003, № 4 (22); Руснак В. Идея общерусского единства у русинов // Мысль, 2004, № 1 (23); Буркут И. Русины Буковины: историческая судьба этнонима // Мысль, 2004, № 2 (24); Суляк С. Замена этнонима - прелюдия этнокультурной трансформации // Там же; Его же. Этнокультурная идентичность руснаков Бессарабии в начале XX века // Вестник Славянского Университета. Кишинев, 2004. Вып. 11; Шорников П. Молдавская «Картина мира» в Средневековье // Там же; Степанов В. Восточные славяне Молдовы: миграционные процессы, межэтнические контакты, развитие и сохранение идентичности (Продолжение темы) // Мысль. 2004 № 3(25).

81. См.: Токарский А. Русины не сдаются // Кишиневские новости, 2003, 18 июня; Кто они - русины? // Русское слово [Кишинев], 2004, № 11(74).; Дрейзлер М. Давно живут в Молдове руснаки // Независимая Молдова. 2004, 24 июня; Андреева Д. Русины - коренное население Молдовы // Аргументы и факты - Молдова. [Кишинев]. 2004. № 24(416); Наний В. Осколки Руси? // Коммунист [Кишинев], 2004, 2 июля; Зозуляк А. Интересна книжка о Русинах Молдавії... // Народны новинки [Пряшев, Словакия], 2004, Ч. 51-51; Осколки Святой Руси // Бесида [Крениця-Лігниця, Польша], 5/2004.